

УДК 94(3):008"19"

ОБРАЗ ЦЕЗАРЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ XX ВЕКА

Е.А. Чиглинец

Аннотация

В статье рассматривается рецепция античного наследия в социокультурных условиях XX века на примере обществ Западной Европы с тоталитарным политическим опытом. В Италии в годы фашистского режима Б. Муссолини образ Цезаря становится одним из символов национального превосходства и оправдания имперских притязаний. В Германии продемонстрировано более многоплановое восприятие образа Цезаря. В официальной пронацистской историографии продолжала господствовать точка зрения Т. Моммзена. Наиболее ярким представителем антифашистского направления в изображении Цезаря был Б. Брехт.

При анализе рецепции античности культурой XX в. образы ряда персонажей вызывают наибольшую сложность. Если такие персонажи, как Спартак или Клеопатра, дошли до нас в легендарном облике, а основанием для легенды служит весьма ограниченный круг источников (античных авторов), собственно, и сформировавших традицию, от которой идет современная интерпретация; если такие персонажи, как Меценат или Герострат, сегодня интересны лишь как люди, давшие свое имя неким социокультурным явлениям античности, пережившим свою эпоху и адаптированным европейской цивилизацией последних пяти веков, а это, в свою очередь, лишь следствие ограниченности материала источников о событиях реальной жизни, о биографии этих персонажей, то Александр или Цезарь, также ставшие легендами на протяжении двух с лишним тысячелетий, имеют в историописании биографическую традицию, сложившуюся в античности и дошедшую до нас, а Цезарь оставил даже собственные сочинения (записки), также ставшие историческим источником. Такое богатство источниковой базы не могло не отразиться на особенностях восприятия образа, в данном случае – Цезаря, в массовом сознании и культуре XX века.

Главная особенность – это наличие большого количества научных трудов, так или иначе связанных с Цезарем. Сотни и сотни специальных сочинений о произведениях Цезаря как историческом источнике, о военном искусстве Цезаря, о конкретных событиях его политической карьеры, о взаимоотношениях с соратниками и противниками и т. д. появляются каждое десятилетие в разных концах света. Но важнее подчеркнуть другое: есть большое количество историко-биографических сочинений, посвященных Юлию Цезарю. Самое важное для нас, что эти сочинения неоднократно повторяются, переводятся на другие

языки, что может означать только одно: исторические биографии Цезаря стали элементом массового спроса, эти научные сочинения потребляет широкая читательская публика. Так, в 1994 г. во Франции в популярной исторической серии «Que sais-je?» крупнейший французский антиковед Я. Ле Бокк выпустил очередную биографию, поставив перед собой задачу «реконструировать жизнь Цезаря»¹. Последний пример такого рода – монография известного французского антиковеда, бывшего профессора университета Бордо Робера Этьена «Юлий Цезарь»². Это серьезное монографическое исследование, изданное во Франции в 1997 г., сразу же получило отклики в специализированных журналах³. А у нас через несколько лет книга переводится и издается в серии «ЖЗЛ»⁴, которая считается научно-популярной.

В этой статье хотелось бы остановиться на небольшом отрезке времени в XX в., который с точки зрения восприятия образа Цезаря дает богатый материал. Речь идет о тоталитарных режимах 20–40-х гг. в странах Западной Европы⁵.

Нужно подчеркнуть, что в европейской культуре XX в. представление о Цезаре сложилось под воздействием двух несовместимых точек зрения⁶. Одна из них – Т. Моммзена⁷ – может быть обозначена как апологетическая, другая – Г. Ферреро⁸ – может быть определена как «революционно-романтическая» (в духе того, как Блок писал о Катилине). «Продолжают выходить в огромном количестве биографии Цезаря, в которых более или менее глубоко исследуются социальные основы его власти, но личность, в сущности, рассматривается традиционно с двух точек зрения...», восходящих к Моммзену и Ферреро⁹.

Интересно, что на рубеже XIX – XX вв., в условиях кризиса западной цивилизации, «Заката Европы», О. Шпенглер вдруг обратил свой взор на Цезаря, считая, что такой диктатор может встать над всякими партиями, повести за собой массы. Вопрос только – куда повести? Ведь тот же Шпенглер очень благосклонно отнесся к новому Цезарю Италии – Бенито Муссолини (позже, правда, он отрекся от него)¹⁰.

¹ *Le Bohec Y. César.* – P., 1994. – P. 9.

² *Etienne R. Jules César.* – P., 1997.

³ См.: *Botermann H.* [Recensio] // *Gnomon.* – 2000. – Bd. 72, H. 6. – S. 528–530. Хельга Ботерман считает, что это «типично французская» книга (S. 530); *Jehne M.* [Recensio] // *Historische Zeitschrift.* – 2000. – Bd. 271, H. 1. – S. 158–160. М. Йене подчеркивает, что «это живо написанное жизнеописание Цезаря адресовано не только специалистам, но и публике» (S. 158).

⁴ *Этьен Р. Юлий Цезарь.* – М., 2003.

⁵ Немецкий историк Гельцер в начале 40-х гг. XX в. обратил внимание на особую политическую актуальность образа Цезаря: «Живя сами в эпоху, когда политический порядок находится в полном изменении, – писал он в 1942 году, – мы в состоянии понять разные аспекты Цезаря лучше, чем предшествующие поколения». См.: *Yavetz Z. César et son image. Des limites du charisme en politique.* – P., 1990. – P. 13.

⁶ См.: *Утченко С.Л. Юлий Цезарь. Цицерон и его время.* – М., 1998. – С. 25–27. Ц. Явец подчеркивает, что различия в отношении к Цезарю не зависят от принадлежности историка к той или иной национальной историографии, и находит в XX в. значительно большее разнообразие интерпретаций. (См.: *Yavetz Z. Op. cit.* – P. 23–58.)

⁷ См.: *Моммзен Т. История Рима. Т. III.* – СПб., 1995. – С. 130–387.

⁸ См.: *Ферреро Г. Величие и падение Рима.* – М., 1915. – С. 191–330.

⁹ См.: *Ляпустина Е.В. История Римского государства в биографиях политических деятелей I в. до н. э. – I в. н. э. // Историческая биография. Сб. обзоров.* – М., 1990. – С. 45. Ср.: Она же. *Гений власти – власть образа // Этьен Р. Юлий Цезарь...* – С. 31.

¹⁰ См.: *Корнилова Е.Н. «Миф о Юлии Цезаре» и идея диктатуры. Историософия и художественная литература европейского круга.* – М., 1999. – С. 232–233. Между тем, специалисты считают именно «цезаризм Шпенглера» одной из составляющих идеологии фашизма у Муссолини. См.: *Böss B. Benito Mussolini und der Faschismus: Eine Kommunikationswissenschaftlichen Studie.* Pouchheim. – 1988. – S. 16.

Именно Муссолини не только попытался возродить некоторые ритуалы и символы, пришедшие из античности, но и наполнил идеологические и пропагандистские мероприятия фашистов ассоциациями с античностью, и в частности с жизненными перипетиями Цезаря¹. Так, он пустил в массы легенду о себе как о человеке, перешедшем Рубикон во главе своих легионов. Именно так он изобразил свой приход к власти в 1922 г.² На самом же деле на пост премьер-министра он был назначен королем, а в Рим благополучно добрался по железной дороге³.

Идеологическая обработка народа идет в историографии, художественной литературе и даже архитектуре⁴. Так, в выступлениях самого Муссолини отмечается стремление представить Цезаря «величайшим итальянцем»⁵, создателем империи, возродить которую мечтали фашисты⁶, и даже одним из предшественников христианства⁷.

Идеями национального превосходства проникнуты и высказывания Муссолини в отношении германского нацизма, который он считает варварским и губительным для европейской цивилизации⁸. В 1934 г. в Бари Муссолини выступил с саркастической речью: «Эти немцы закончат разрушением нашей идеи. Они всегда останутся варварами Тацита..., вечными врагами Рима! ... Когда Рим имел Цезаря, Вергилия и Августа, у этих людей не было даже письменности»⁹. Сам Муссолини говорил: «Рим – это наша точка отсчета и оценки... Это наш символ, наш миф»¹⁰. И он же для нации стал «реинкорнацией Цезаря»¹¹, от его побед в Африке Италия ликует, «теряет голову» и «кустраивает триумф своему новому Цезарю»¹².

В художественной литературе можно отметить вышедший в 1926 г. роман итальянского автора Энрико Каррадини «Юлий Цезарь». В романе особо выделены эпизоды, повествующие об укреплении диктаторской власти. При социокультурной ситуации в Италии 20-х гг. XX в. попытка актуализировать античное наследие приводит к откровенной модернизации античности. Вспомним, что практически каждый шаг Цезаря описан в источниках, каждое движение могло

¹ Тот же Ц. Явец предлагает в XX в. считать лучшим словом для понимания, что такое «цезаризм», – слово «фашизм». См.: *Yavetz Z.* Op. cit. – P. 23.

² См.: *Seldes G.* *Sawdust Caesar: The untold History of Mussolini and fascism.* – N. Y., 1935. – P. 371.

³ См.: *Massoul H.* *La leçon de Mussolini: Comment meurt une démocratie, comment naît une dictature.* – P., 1934. – P. 91–101; *Brissaud A.* *Mussolini.* – P., 1983. – Т. 1. *La montée du fascisme.* – P. 248–274; *Корнилова Е.Н.* «Миф о Юлии Цезаре»... – С. 234.

⁴ См. об этом: *Cederna A.* *Mussolini urbanista: Lo sventramento di Roma negli anni del consenso.* – Roma; Bari, 1981. – P. VIII.

⁵ См.: *Корнилова Е.Н.* «Миф о Юлии Цезаре»... – С. 234.

⁶ *Lormier D.* *Les guerres de Mussolini: De la campagne d'Éthiopie à la république de Salo.* – P., 1989. – P. 7.

⁷ См., например, один из официальных докладов Муссолини 1929 г., где он призывает вернуться к апологетическому образу Цезаря, господствовавшему в Италии в XVII в.; именно здесь он предлагает считать Цезаря наряду с Горацием и Вергилием предшественником христианства, т. к. он был, возможно «первым римлянином, который имел близкое [к христианству] чувство», а именно чувство доброты. См.: *Mussolini B.* *Fascisme et religion.* – P., 1989. – P. 27.

⁸ *Brissaud A.* Op. cit. – P. 393.

⁹ *Ibid.* – P. 386. Подобным же образом Муссолини сравнивал Гитлера с Атиллой. (См.: *Lormier D.* Op. cit. – P. 7).

¹⁰ *Lormier D.* Op. cit. – P. 6.

¹¹ *Ibid.* – P. 7.

¹² *Brissaud A.* Op. cit. – P. 408.

быть воспроизведено в конкретно-историческом контексте. Но тогда пропагандистского эффекта достигнуть не удалось бы. А вот когда Энрико Карродини видит борьбу Цезаря с «разлагающей деятельностью партий», борьбу с плебейскими лидерами или с сенатской (а для него – парламентской) оппозицией, тогда пропагандистский эффект достигается¹. В качестве символа власти Дуче присутствует Цезарь и в пропагандистских материалах, посвященных взаимодействию фашистского режима с католической церковью², а союз Муссолини и папской курии в общественном мнении оформляется как союз Цезаря и Св. Петра³.

Сам Муссолини не скрывал, что любит Цезаря⁴. Во всяком случае, есть сведения, что в 1943 г. он написал пьесу «Юлий Цезарь», в которой знаменитый римлянин изображен первым фашистом на земле⁵.

Хотя немецкие идеологи предпочитали опираться на собственную национальную историю и мифологию в своей пропаганде, тем не менее, Альфред Розенберг в знаменитой работе «Миф XX века» видит корни неограниченной власти в германской истории именно в истории римской, в частности связывая ее непосредственно с Цезарем: «Имя собственное Цезарь порождает потом монархический титул кайзер и царь. Объединенные с идеей римской церкви, они способствуют становлению неограниченной власти»⁶.

Несмотря на претензии со стороны Муссолини на «прямое родство» итальянского фашизма с Цезарем, в массовое сознание жителей нацистской Германии также внедряется аналогия между историей Рима в эпоху падения Республики и современной им историей Германии. В романах Лиона Фейхтвангера постоянно встречаются сопоставления этих эпох, причем и в устах профашистски настроенных персонажей, и в устах персонажей-антифашистов⁷.

Естественно, что и реальные антифашистски настроенные интеллектуалы в Германии не могли не обратиться к Цезарю.

И здесь первым должен быть назван Бертольд Брехт.

Бертольд Брехт демонстрирует нам один из самых неожиданных вариантов рецепции античности. Брехт не был таким лирическим поэтом, для которого обращение к мифическим персонажам и сюжетам, к античной истории и культуре является неременным условием для самовыражения. Творчество его также не было рассчитано на праздную «читающую публику», для которой общение с такого рода реминисценциями и ассоциациями в литературе становилось своеобразным тестом на интеллект и образованность. Сознательно избрав литературное творчество средством борьбы за идеалы трудящихся масс и изменение действительности в их интересах⁸, Б. Брехт сумел поставить на службу этой борьбе и свое знание античной истории и культурного наследия.

¹ См.: Корнилова Е.Н. «Миф о Юлии Цезаре»... – С. 235–236.

² *Missiroli M. Date a Cesare: La politica religiosa di Mussolini con documenti inediti.* – Roma [1929].

³ Показательны в этом отношении стихи поэта Кардуччи: «Quando porge la mano Cesare a Piero...». См.: *Seldes G.* Op. cit. – P. 258.

⁴ *Ibid.* – P. 371.

⁵ См.: Корнилова Е.Н. «Миф о Юлии Цезаре»... – С. 236.

⁶ Цит. по: Корнилова Е.Н. «Миф о Юлии Цезаре»... – С. 235.

⁷ См.: Там же. – С. 236.

⁸ См.: *Desuché J. Bertolt Brecht.* – P., 1963. – P. 2, 88, 95; *Книпович Е.* Брехт-теоретик // Брехт Б. О литературе. 2-е изд. – М., 1988. – С. 4.

В воспитании и образовании Б. Брехта античное наследие сыграло существенную роль. Крупнейший специалист по биографии и творчеству Брехта немецкий профессор Эрнст Шумахер отмечает: «Судя по перечню гимназических дисциплин, Брехт получил солидную общеобразовательную подготовку, начиная с изучения истории античного мира (латынь была обязательным предметом) и кончая эпохой ... кайзеровской империи. Когда он впоследствии писал роман «Дела господина Юлия Цезаря» или радиопьесу «Допрос Лукулла», а позже и оперу «Осуждение Лукулла», он мог опереться на «Германию» Тацита, речь Цицерона против Катилины и описания заговора Катилины Саллюстием, которые свободно читал в оригинале»¹. При этом, однако, сам Б. Брехт с изрядной долей сарказма оценивал воспитательное значение своего гимназического образования. В своей пьесе «Разговоры беженцев», написанной в основном в 1940–1941 гг. в Финляндии во время эмиграции, Брехт устами одного из персонажей, физика Циффеля, взгляды которого специалисты отождествляют со взглядами самого писателя², так рисует воспитательный процесс в гимназии во времена своей юности: «Перед учителями стоит трудная задача, требующая от них высокого самоотречения: они должны воплотить в себе основные типы человечества, с которыми впоследствии в жизни столкнется юноша. В школе он получает возможность каждый день четыре или шесть часов познавать жестокость, злобу и несправедливость. За такое образование не жаль уплатить любые деньги, но оно предоставляется даже бесплатно, за счет государства»³. Для героя гимназический учитель – это воплощенная в незабываемые человеческие индивидуальности непреодолимая сила, это «античеловек», обладающий почти безграничной властью. «Оснащенный педагогическими знаниями и многолетним опытом, он воспитывает ученика по своему образу и подобию»⁴.

Тем не менее, хрестоматийные представления об истории, в частности о выдающихся представителях античности и средневековья, были восприняты Брехтом достаточно прочно. При этом он на многие годы сохранил интерес к чтению античных первоисточников⁵. А исторические пристрастия Брехта в дальнейшем получили воплощение в ряде сочинений. Так, в 40-х гг. XX в. им были написаны исторические новеллы, героями которых стали Фрэнсис Бэкон, Джордано Бруно, Сократ и Цезарь⁶.

Для понимания того, как знания об античности преломились в творчестве Б. Брехта, что повлияло на ту интерпретацию античной истории, которую мы находим у немецкого писателя, очень важно обратить внимание на следующий

¹ Шумахер Э. Жизнь Брехта. – М., 1988. – С. 15.

² См.: Там же.

³ Брехт Б. Разговоры беженцев // Брехт Б. Пьесы. Книга первая. – М., 1999. – С. 429–430.

⁴ См.: Там же. – С. 430.

⁵ В одном из фрагментов автобиографических заметок 1928 г. Брехт с иронией пишет: «За недостатком бульварных романов я читаю «Исповедь» Августина» (Брехт Б. О литературе. – С. 424); в рабочих дневниках 1939 г., в перечне того, что он сумел сохранить в эмиграции в Швеции, есть «Цезарь» в переплете из свиной кожи, старое издание Лукреция, произведение которого «О природе вещей» Брехт наряду с «Георгидами» Вергилия причисляет к числу «великих дидактических поэм древних римлян» (См.: Там же. – С. 364, 318); есть упоминание «Сатирикона» Петрония, творчества Овидия (См.: Там же. – С. 353), древнегреческих эпиграмм (См.: Там же. – С. 370); и даже совершенно неожиданно в его публицистике появляется большая цитата из «Речений Ипусера» (См.: Там же. – С. 114–116).

⁶ См.: Брехт Б. Стихи. Роман. Новеллы. Публицистика. – М., 1956. – С. 539–605.

за гимназическим период его жизни. Последние годы учебы в гимназии совпали с событиями первой мировой войны. Впечатлительный подросток наблюдал сцены, когда жены простых рабочих, ставших солдатами империи, вынуждены были простаивать часами за продуктовыми пайками для своих голодных детей¹. После окончания гимназии он несколько месяцев прослужил во вспомогательных войсках, а именно – санитаром в одном из госпиталей для солдат германской армии. И хотя местом его службы была весьма специфическая палата для венерических больных, представление об ужасах фронтовой жизни Брехт, безусловно, получил. И, наконец, после этой службы – Мюнхенский университет, где он записался сразу и на философский, и на медицинский факультеты, не окончив ни одного, поскольку уже через два года был отчислен как человек, не появлявшийся на занятиях ни там, ни там. Зато студенческие годы позволили юному Брехту насладиться знакомством с творчеством выдающихся философов всех времен и одновременно окунуться в реальную жизнь простых горожан с ярмарочными балаганами, живыми картинами в стиле народных представлений, что стало затем основой театральной эстетики самого Брехта.

При чем же здесь рецепция античности? А при том, что тот стойкий антимилитаризм, который формируется у Брехта в этот период, дает о себе знать на протяжении всего его творчества и по отношению ко всем периодам истории. Очень ярко это видно, когда он обращается к оценкам исторического значения деятельности античных полководцев². В радиопьесе 1940–41 гг. «Допрос Лукулла»³ описывается гротескная ситуация посмертного суда присяжных над полководцем Луцием Лицинием Лукуллом (ок. 117–56 гг. до н. э.). И выясняется, что заслуги выдающегося сподвижника Суллы, покорителя восточных царств, в потустороннем мире, в царстве теней, никому неизвестны. Противопоставляя полное забвение, уготованное в ином мире, земным почестям, отдаваемым этому «непобедимому», «могучему», «любимцу богов и Рима», от которого «дрожали обе Азии»⁴, Брехт противопоставляет тем самым взгляды полководца и простого народа на результаты войн⁵ и усиливает антимилитаристский пафос пьесы признанием за Лукуллом лишь одного положительного для простого человека действия. По преданию, именно он привез в Рим из Причерноморья (Кераса в Понте) первые вишневые деревья, а потому присяжный, бывший крестьянин, подчеркивает в суде: «Друзья мои, лишь это из всего того, что завоевано войной проклятой, добром я называю», а затем, обращаясь к Лукуллу, говорит: «Когда добыча из обеих Азий давно истлеет, прахом станет, этот лучший твой трофей все будет жить, весною распускаясь и белым цветом трепеща по склонам, живущим всем на радость»⁶.

¹ См.: Шумахер Э. Жизнь Брехта. – С. 16.

² Ирония по отношению к Александру и Цезарю видна, например, в одном из стихотворений 1935 г. См. об этом: Корнилова Е.Н. «Миф о Юлии Цезаре»... – С. 237.

³ Брехт Б. Допрос Лукулла // Брехт Б. Театр. Т. 3. – М., 1964. – С. 89–126. Как подчеркивает все тот же Э. Шумахер, «Брехт создал пьесу из своей новеллы..., возникшей в свое время как побочный продукт при работе над романом о Цезаре» (Шумахер Э. Жизнь Брехта. – С. 143.)

⁴ См.: Там же. – С. 93–94. (Обе Азии – Ближняя и Средняя).

⁵ См.: Desuché J. Bertolt Brecht. – P. 27.

⁶ Брехт Б. Допрос Лукулла. – С. 117–118.

Антимилитаристская направленность пьесы усиливается еще больше, когда обескураженный и возмущенный столь странной оценкой его полководческих заслуг Лукулл пытается позвать в качестве эксперта Александра Македонского, покорителя Азии, поправшего «шар земной пятою своею», но суд заявляет: «В полях Елисейских Александра Македонского нет», а «имена великих не вызывают здесь страха», и «слава их для нас словно дым»¹.

Последующий жизненный опыт Б. Брехта² придает этим антивоенным настроениям еще один аспект, который на определенном этапе его творчества начинает превалировать. Для Брехта становится очевидным, что наибольшую опасность для мира таит военная диктатура, неограниченная власть одного человека, ни во что не ставящая жизнь других людей. В качестве исторической фигуры из античности, позволившей очень доходчиво выразить весь комплекс антифашистских идей Б. Брехта, был избран Юлий Цезарь.

Образ Цезаря в антифашистском контексте возникает в пьесе «Карьера Артуро Уи, которой могло не быть», где «эпическая борьба классов подана с хитростью поэтической и политической»³. Первые наброски этой пьесы появились в 1935 г., а написана она была в 1941 г.⁴ Сам Брехт в «Заметках», предназначенных для постановщиков пьесы, подчеркивал, что это «пьеса-притча, написанная с намерением разрушить обычно опасно почтительное отношение к великим убийцам»⁵. Вот почему по ходу действия, которое театральным зазывала (автор?!), характеризует как «правду истории, горькую самую» и «зрелище... не в бровь, а в глаз»⁶, гангстер и убийца Артуро Уи, образ которого однозначно отождествляется с Гитлером, готовясь к политической карьере, находит образец «величественного стиля» походки и декламации в Цезаре⁷.

С «Карьерой Артуро Уи» перекликаются незавершенный роман Б. Брехта, прямо посвященный Цезарю, – «Дела господина Юлия Цезаря», который писался в годы фашизма, а опубликован был лишь в 1957 г.⁸, и одна из исторических новелл, написанная также в годы подготовки романа, – «Цезарь и его легионер», опубликованная в сборнике «Рассказы из календаря» (1948 г.)⁹. Брехт вполне осознает, что массовое сознание относится к Цезарю как к одному из величайших полководцев мировой истории наряду с Александром и Наполеоном¹⁰. Именно поэтому он пытается и в новелле, и в романе дать иную ипостась деятельности этой исторической личности, а именно беспринципного дельца и политика: «он хватался за любое предложение, политическое и неполитическое, которое помогло бы ему как-то выкарабкаться. Он и всегда-то

¹ Брехт Б. Допрос Лукулла. – С. 103–104.

² Как справедливо замечает французский театровед, «во всех его произведениях мы можем услышать эхо его жизни, так же как и эхо нашей эпохи во всех ее главных проявлениях». (*Desuché J. Bertolt Brecht. – P. 89*).

³ *Ibid.* – P. 14.

⁴ Брехт Б. Карьера Артуро Уи, которой могло не быть // Брехт Б. Театр. Т. 3. – С. 331–442.

⁵ Там же. – С. 441.

⁶ Там же. – С. 337.

⁷ Там же. – С. 375; 379–380. Правда, актер, которого пригласили в качестве имиджмейкера, материал для обучения берет из пьесы Шекспира «Юлий Цезарь».

⁸ Брехт Б. Дела господина Юлия Цезаря. Фрагмент романа. – М., 1960.

⁹ Брехт Б. Цезарь и его легионер // Брехт Б. Стихи. Роман. Новеллы. Публицистика. – С. 572–586.

¹⁰ См.: Брехт Б. Солдат из Ла Сьота // Там же. – С. 587–588.

брал деньги там, где их можно было добыть», а знакомство с его жизнью позволяет узнать «кое-что о том, как устанавливаются диктатуры и основываются империи»¹.

По сюжету романа некий римский молодой писатель захотел написать биографию Цезаря, для чего он решил заполучить «Записки» одного из современников Цезаря, а точнее, его секретаря. Эти «Записки» должны ему помочь преодолеть все, что превратилось в легенду, те сложности, которые Цезарь бессознательно да и сознательно приготовил своим биографам: «Чтобы сбить нас с толку, он даже сам книги писал. ... Великие люди как огня боятся, чтобы кто-нибудь не докопался до истинных мотивов их деяний»². В том же гротескно-сатирическом ключе звучат и другие оценки Цезаря, разбросанные по книге. Так, один из римских поэтов, с которым встречается повествователь, заявляет: «Великий человек... – фигура, как бы созданная для историков. Кумир народа и сената. Такие люди на протяжении тысячелетий путешествуют из хрестоматии в хрестоматию. Да и много ли для подобного портрета требуется, от силы две-три краски. ... А для поэзии человек, о котором идет речь, всего лишь нечто, во что Брут вонзал свой кинжал. Сколько бы вы не повторяли: основатель империи, – это лишь штамп в мировом масштабе!»³

Собирая сведения о Цезаре «из первых рук», повествователь обращается и к одному из его бывших легионеров. Содержание новеллы «Цезарь и его легионер» и соответствующего раздела романа абсолютно не совпадают. Новелла полностью сосредоточена на актуализации диктатуры, на создании ее обобщенного образа. И в этом отношении возглас легионера: «Хайль, Цезарь!»⁴ выступает единственным и достаточным символом той модернизации, к которой явно тяготеет Брехт. С этой точки зрения эпизод рассказа легионера о Цезаре в романе более историчен. Там воспроизведены некоторые подробности гражданского и военного быта республиканского Рима, оценки Цезаря его легионером лишены всякого пиетета, а заключительная фраза беседы и вовсе дегероизирует эту фигуру. На вопрос, как же выглядел Цезарь, последовал ответ легионера: «Так, потасканный старичишка»⁵.

Впрочем, историзм романа весьма противоречив. С одной стороны, историческая канва, последовательность событий, имена действующих лиц вполне достоверны и зачастую основаны на источниках⁶. Некоторые из этих источников просто цитируются или пересказываются в тексте (например, Плутарх⁷), некоторые только называются (например, Саллюстий или Непот⁸). С другой стороны, постоянно встречающиеся в тексте романа реалии века XX-го: «Сити» – «творение Гракхов» и средоточие всей деловой жизни римской державы; «юнкеры» в Сенате; «пакеты акций римских фирм», переданные в качестве

¹ Брехт Б. Дела господина Юлия Цезаря. – С. 64.

² Там же. – С. 17–18.

³ Там же. – С. 226.

⁴ См.: Брехт Б. Цезарь и его легионер. – С. 580.

⁵ См.: Брехт Б. Дела господина Юлия Цезаря. – С. 49–54.

⁶ Сам Б. Брехт подчеркивал в письме к Мартину Андерсену-Нексе, что «роман требует большой предварительной научной работы» (См.: Брехт Б. О литературе. – С. 472).

⁷ См.: Там же. – С. 38–40, 85–86, 228.

⁸ См.: Там же. – С. 228, 249.

взятки сенаторам; «аккредитив», проверяемый в банке; «малоазиатский экспортный трест» как конкурент Сити в работорговле, наконец, молодые члены «штурмовых отрядов Катилины»¹.

Гротеск, ставший основой для прорисовки образа Цезаря в романе, сочетается с вполне традиционными, ставшими своеобразными штампами характеристиками его личных и политических качеств: «Голова у него работает невероятно быстро, а умение приспособливаться к разного рода обстоятельствам бесподобно!»²; «Бесспорно, он великий человек, но, к сожалению, редко бывает самим собой»³. Но при этом политиканство и жажда наживы в высшей степени превалирует во всех его действиях. Так, оценивая перипетии своего участия в провалившемся заговоре Катилины, он делает неожиданный для приближенных вывод: «Все же ставка наша была правильной в том смысле, что мы рассматривали эту историю лишь как благоприятную возможность для коммерческих операций»⁴.

Есть и прямые парадоксы, призванные также снять героический налет с личности Цезаря: «В политике, что в торговле: мелкие долги – плохая рекомендация, большие уже меняют дело. Человек, у которого много долгов, пользуется уважением»; или: «Не столь важно, чтобы поступки человека имели благоприятные последствия, важно, чтобы они не оставались без последствий. Чем крупнее эти последствия – хотя бы самые несчастливые, – тем крупнее и сам человек»⁵.

Это сочетание гротеска и апологетической традиции рождает тот сатирический эффект, на который рассчитывал Б. Брехт. Ярчайший пример – это эпизод, когда Цезаря высекли возмущенные сограждане. Сцена эта очень живо выписана у Брехта и явно оставляет ощущение неловкости и убожества Цезаря⁶. А вот затем идет комментарий его секретаря из «Записок»: «Насколько удивительна способность Ц<езаря> извлекать из всего урок и все оборачивать в свою пользу, эта ясность ума, позволяющая ему правильно понимать даже самые неприятные инциденты и объективно оценивать их политическую значимость...»⁷. А дальше для непонятливых Брехт буквально глумится над Цезарем: «Проницательность Ц<езаря> поистине гениальна! Подумать только: человека высекли, а он по одному этому, так сказать, чисто интуитивно, определил настроение народа. Если на то пошло, он на своей шкуре испытал всю беспредельную ненависть народа, но что ненависть эта способна побудить народ самому взяться за политику и самому ее оплачивать – это открытие принадлежит Ц<езарю>. ... Вот это настоящая интуиция!»⁸ Дегероизация, демифологизация образа Цезаря проявляется и в интерпретации Б. Брехтом такого устоявшегося в массовом сознании штампа, как способность Цезаря делать одновременно несколько дел: «Каждый мальчишка знает, что Ц<езарь> умел делать

¹ См.: Там же. – С. 29, 45, 61, 73–74, 88–89; 30; 46; 24–25; 41; 138, 193.

² Там же. – С. 96.

³ Там же. – С. 112.

⁴ Там же. – С. 200.

⁵ Там же. – С. 232.

⁶ См.: Там же. – С. 143–144.

⁷ Там же. – С. 148.

⁸ Там же. – С. 154–155.

несколько дел сразу»¹. А вот иллюстрацией этого тезиса служат противоречивые, по мнению автора, сообщения историков о том, на чем же Цезарь нажился в провинциях: «Одни говорят, что он брал деньги у врагов, другие – у союзников; одни – что это была контрибуция, другие – что акции серебряных рудников; кто-то пишет, что платили ему в Испании, а кто-то – что в Риме. И все они правы». Умея делать несколько дел сразу, Цезарь, как представляется Брехту, воспользовался каждым из перечисленных способов обогащения, но особенно на примере Испании «доказал, на что он способен, доказал и то, на что способна одна-единственная провинция», где он за один год, по выражению писателя, «сделал» 35 миллионов сестерциев².

Таким образом, обращение к античности для Брехта есть в основном попытка выразить на известном историческом материале в художественной форме свое отношение к тем реалиям политической жизни, свидетелем и участником которых он вынужден был становиться. Талант Брехта выразился как раз в умении интерпретировать этот исторический материал, доносить его до самых широких масс, что определялось и его политическими привязанностями, и его эстетическими принципами.

Summary

E.A. Chiglintzev. The Julius Ceasar's image in the socio-cultural conditions of XX century.

The reception of ancient heritage in the socio-cultural conditions of XX century Western Europe is considered in the article. The image of Ceasar becomes one of the symbols of national superiority and the imperial expansion during the period of Mussolini's fascist regime in Italy. The more complex perception of Ceasar' image may be seen in Germany where Droysen's conception continued to be dominated the pro-nacist historiography. It was only B. Brecht who expressed the anti-fascist presentation of Julius Ceasar in the literature.

Поступила в редакцию
12.09.06

Чиглинцев Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского государственного университета.

¹ Там же. – С. 250.

² См.: Там же. – С. 249–250.